

Новый Годъ.

Быть черною землей... Раскрывъ покорно грудь
Ослѣпнуть въ пламени сверкающаго Ока,
И чувствовать, какъ плугъ, вонзившійся глубоко
Въ живую плоть ведеть священный путь.

Подъ сѣрымъ бременемъ небеснаго покрова
Нить всѣми ранами потоки темныхъ водъ.
Быть вспаханной землей... и долго ждать, что вотъ
Въ меня сойдетъ, во мнѣ распнется Слово.

Быть матерью-землей... Внимать, какъ ночью рожь
Шуршитъ про таинства возврата и возмездья...
И видѣть надъ собой алмазныхъ рунъ чертежъ—
По небу черному плывущія созвѣздья...

M. Киріенко-Волюминъ.

1.

Сиѣжный быль день.

Сиѣжинки летѣли молча,—конца не видать. При-
шелъ вечеръ, принесъ темноту, и въ темнотѣ безъ
пути шелъ сиѣгъ, засыпая дороги и крыши, и го-
родьбу.

Пришелъ Васильевъ вечеръ—новый годъ.

Было тепло. Такъ въ февральскую расптицу
бываетъ тепло.

Въ запущенныхъ окнахъ горѣли огоньки. Тири-
рикала гдѣ-то гармоня одноголосая. На коло-
кольниѣ поверхъ жилья съ оттяжкой звонили ко
всенощной. Мышаѣ вѣтеръ звонить, уносилъ звонъ
въ поле да въ бѣлый лѣсъ.

Винную лавку заперли. Сидѣць съ ключами
пропадъ въ сиѣгахъ: больше не проси—ни вотъ
столько не дастъ.

У покачнувшейся убогой избы копошились два
лохматыхъ изъерошенныхъ тѣла, а изъ распахнутой
двери бѣлый валилъ паръ.

— Сволочь, паскуда!—гузѣль запекшійся муж-
ской голосъ.

— Не пущу, говорять, не пущу!—съ воемъ въ
отвѣтъ визжала баба.

— Фекла, будеть, слышь...

— У, окаянныи, разорвала бѣ тебѣ харю твою
поганую, стерва ты занавозная.

— Заткни глотку, Фекла, слышь, не въ комна-
тахъ...

— Рвань ты коричневая,олосатая! Не допущу
я срамоты на себѣ: пялить бы тебѣ, сукину сыну,
пугали свои дурацкія, нѣть... барыни! напакостить
мнѣ на твоихъ барынь!

— Ну, не пойду, слышь, не пойду, — сдался было сапожникъ, да видно, шило колынуло куда, развернулся и ну колошматить: — лахудра ты, шлюха грачевская...

— Душатъ!!! чортъ! — взвизгнула баба—свинья рѣзанная, и уродливые закувыркались круглые Кирилль да Оекла и молча давили другъ друга, крѣпко обнявшись,—не разберешь.

Не звонить колоколь ко всенощной, замолчала гармоня одноголосая, тихо на улицѣ. Въ окнахъ огонекъ подергивается краснотой, сочась сквозь снѣги тихо на улицу. Не тявкаетъ Лайка—пушистая, дремлетъ подъ пушистый снѣгъ; не снятъ одни вострыя ушки да тоненький носъ.

Налѣво пойдешь—много верстъ, много верстъ —одинъ снѣгъ; направо пойдешь—много верстъ, много верстъ—одинъ снѣгъ.

Кудринъ, закутанный въ огромную шубу, весь въ снѣгу, надорванно молча пробирался среди снѣга. Чуть еще померкалъ день, какъ вышелъ онъ изъ своей комнаты, обошелъ городъ десятки разъ, и теперь опять возвращался домой.

Васильевъ вечеръ—новый годъ или пустынность и глушь и безъ конца дорога пробудили въ немъ другие годы, другой городъ.

Да и такъ никогда —развѣ онъ могъ?—никогда не забывалъ о нихъ.

Тамъ было не такъ: застроенность города, живяя, движущіяся улицы, фонари, экипажи—и ни одной птицы; тамъ было не такъ: суетня, суетня и спѣшка на всѣхъ парахъ. А надъ всѣмъ одна мысль, и вся душа пронизана только этой одной мыслью. Подымалась она съ зарей—зари тамъ не видно, замирала съ зарей—зари тамъ не видно, и ночью будила и бунтовала.

А имя ея—свобода.

Въ книжкахъ, въ театрѣ, даже въ оперѣ онъ искалъ воплощенія борьбы за нее. И если не находилъ, шелъ мимо. Но чаще находилъ.

Ибо борьба за свободу—все.

Годъ за годомъ—сердце не улеглось, не остыла горячка.

Что только ни приходило въ голову? — и все это тѣснилось и прыгало по струнѣ прямо въ ту безконечность: тамъ, не потухая, горѣло вѣчнымъ свѣтомъ одно слово, единственный звукъ—свобода.

Не было будень, не было ненужныхъ, докучливыхъ минутъ. Небко и гордо бились минуты, часъ за часомъ, годъ за годомъ.

И та, которую онъ встрѣтилъ, представлялась ему его вѣчной спутницей до послѣдней минуты тамъ... Такъ ужъ пошло: въ той безконечности, гдѣ горитъ единственный звукъ—одно слово, стоять столбъ, на столбѣ перекладина.

Эхъ, если бы тогда... какое счастье, вѣруя, умереть!

А кончилось ничѣмъ. Попалъ сюда. И ничего не сдѣлано. Вотъ и все!

И опять вспомнилась она такой, какъ ее встрѣтилъ: эти глаза, въ которыхъ читаешь обреченность и горятъ огоньки необузданной страсти и смѣха...

Гм... они шли съ „Ревизора“—Кудринъ вобралъ въ себя воздухъ, а съ воздухомъ и всю память о ней, —шли вмѣстѣ, и ему стало вдругъ ясно, что онъ всю свою жизнь только и искалъ ее, только и думалъ о ней и говорилъ свои слова такъ, будто она ихъ слышала. Ему показалось тогда, что я она то же въ тотъ мигъ подумала. И они молчали. Можетъ быть, ему только показалось тогда... И клялись на всю жизнь: они пойдутъ вмѣстѣ, они умрутъ вмѣстѣ... никогда не забудутъ, никогда не оставятъ другъ друга.

— Она и умретъ.

— Да... но...

Кудринъ схватился за карманъ: въ карманѣ на донышкѣ въ истрапанномъ синемъ конвертѣ хранились нѣсколько писемъ; три года назадъ, въ

первый годъ своей ссылки, онъ получилъ отъ нея эти письма...

— То-то забыла,—протянулся изъ глуби сердца нехорошій голосъ.

— Забыла,—беззвучно сказалъ и передернулся. Въ кулачекъ сморщилось тѣло.

И одиноко у него, и холодно на душѣ. И забылся бы въ снѣгъ, и плакаль бы... И странно ему: онъ когда-то ужъ все это пережилъ. Да-а, гуляль съ нянѣкѣй, отсталъ и заблудился. А по-тому хватились... Нѣтъ, не все такъ: на немъ теперь огромная неуклюжая шуба, и позвать некого.

— Ай—ай—ай, какой ты! — смѣхомъ протягивается изъ глуби сердца нехорошій голосъ,—какой ты—смѣшной!

Но ему ужъ нѣтъ дѣла, какой онъ: смѣшной или не смѣшной, ему все равно; и если бы сю минуту міръ провалился или... пускай міръ въ тарь-тарары летитъ — пускай! пускай! пускай! — ему ничего не надо.

— Ай-ай-ай, какія глупости! — смѣется нехорошій голосъ, и онъ начинаетъ смѣяться этимъ мелкимъ, не своимъ, захватывающимъ духъ смѣхомъ.

— Свобода! — заливается нехорошій голосъ, — какая свобода! — и, трыкнувъ, острой слезинкой шпиняетъ сердце.

А онъ стоять на дорогѣ—весь не больше горошины, не тоньше соломинки, а шуба на немъ гора-горой.

Безпомощно глядѣть вокругъ, а позвать некого.

2.

Домикъ, въ которомъ жилъ Кудринъ, стоялъ особнякомъ прямо подъ вѣтромъ на берегу. Дурная о домикѣ ходила слава; и красный занавѣскѣ въ окнахъ хозяѣской половины настраивали на гривый ладъ. Впрочемъ, какъ водится, всякий счи-

таль нужнымъ плюнуть и выругаться, а шепоткомъ сказать что-нибудь такое, отъ чего слюнки текли. Такой ужъ подлецъ человѣкъ, большаго съ него и не спросится.

Зимой жутко: безъ огня вечеромъ зря не шатайся,—то въ баню волкъ затешется, а то и еще какой грѣхъ—и укокошать спящу и надругаются,—за этимъ въ карманъ не полѣзешь.

А вѣтеръ смѣстить, обсвистываетъ домикъ, выворачиваетъ съ рѣки бѣлая шврокія цолосы—лыжи, подымаетъ ихъ столбомъ на страшную высину, закаливъ тамъ въ поднебесномъ холода, пускаетъ гребень на землю. И чешетъ бѣлую землю, расчесываетъ ледяными зубьями до черной пѣши, ажъ паръ валить. Да и ему волю, ни волоска не оставитъ. А красное солнце, такое красное, когда на масленицу впервые оно выкатывается изъ тьмы дымовъ, словно изъ жаркой бани, такое красное. И нѣмъ стынетъ до заполдня разверзшійся пасть.

Изъ домика все видно, не надо и на волю выходить.

А вотъ весной — не пасмуршишься. Пройдетъ ледъ, встанетъ лѣсъ, зашѣтъ берегъ, заалѣтъ островъ... Мѣдная ночь. Она все обнажитъ, прогонитъ всякую тѣнь, и, Богъ знаетъ, кто только ни кажется... Цѣлый жизни выходить изъ лѣса, подымаются съ полей, цѣлый жизни плывутъ изъ рѣки, катятъ съ горъ я забредаютъ сюда и пляшутъ у домика. Она перевертываетъ міръ вверхъ тормашками, эта мѣдная ночь.

А тамъ за знойнымъ лѣтомъ осень.

Осень. Золотой листъ летитъ, не держится на деревѣ. Не найдешь въ лѣсу ягоды, одна ягода да и та горькая—рябина. Изъ полей перебираются змѣи въ лѣсъ, уходить въ землю. Тѣшится Лѣший послѣдніе дни надъ соломой, смѣется; я ему чередъ провалиться сквозь землю и до весны ужъ не выскочить.

Пролетять гуси. Вонь журавли.

Колесомъ дорога! колесомъ дорога!—закричать ребятишки.

Ну, кричи не кричи, не услышать, не остановятся; они не останавливаются—зимы не задержать.

Осень.

Ночь обтыкалась чистыми звѣздами. Постелился Бѣлый путь. Занялись Дѣвичьи зори. Три сестры неподступныя, три сестры—проклятая весь вѣкъ имъ горѣть зарей.

Вѣтеръ—баюнъ трясеть вѣтвями—убаюкиваетъ. Въ домикѣ свѣтъ зажигай!

И красныя зананѣски надуваются.

3.

Дверь отворилъ наборщикъ Козель.

Кудринъ сконфузился.

Поскорѣе протеръ очки. Сказалъ:

— Тамъ такое творится, весь глаза затѣшило, даже до... слезъ.

А я давно поджидаю васъ,—подмигивая единственнымъ глазомъ, юркій и вертлявый, съменилъ Козель въ валенкахъ,—жду, а самъ себѣ думакъ: и куда это могло занести васъ въ такую скверную пору. Почта пришла, перечиталъ весь газеты, миѣ, какъ сами знаете, Александръ Ивановичъ...

Поставили самоваръ. Приготовили все, что нужно, къ вечеру.

Кудринъ сѣлъ къ столу за газеты.

Козель, не умолкая, тараторилъ.

Козла не любили. Цѣлыми днями слоняясь изъ дома иль дома, каждый разъ заводилъ онъ одю и то же, разсказывая вѣчно одну исторію: и о своей тюремной жизни, и о томъ, какъ болѣть у него глаза, и что подѣлываютъ остальные. Работы у Козла не было, подходящаго къ его ремеслу ничего не могло найтисъ—одна слава, что городъ,

а либое село просториѣ! Никакихъ книгъ и, газетъ не издавалось, и рѣчи обѣ эти не могло быть.

Но Козель не могъ примириться. Не пропуская ни одной газеты, онъ вѣчно критиковалъ ихъ, разбирая по косточкамъ всѣ тонкости печатнаго дѣла. И было такъ, будто завтра же онъ начнетъ свое дѣло на удивление не только этой норѣ дѣвальской, но и всему честному миру.

Жилъ онъ не одинъ, а съ женой. Жена его—портниха, какъ ни какъ, а безъ работы не сидѣла. Ну, а ему что дѣлай? Дома болтаться, только мѣшать, вотъ и, знаѣ, шатается.

— Я вамъ скажу, Александръ Ивановичъ, по истинной правдѣ, всѣ они, съ познаніемъ сказать, свиньи. И чѣмъ они заняты? Имъ бы только пьянствовать. Кириллъ съ женой чѣмъ свѣтъ за драку принимается. Иванъ шашни завѣль со здѣшней... Живиться хотѣлъ. Къ женѣ помогать дѣвочка ходитъ, такъ разсказывала—сама видѣла. Подумайте, пошелъ въ сарай, отстегнуль тамъ себѣ помочи, да на помочахъ. Хорошо еще, во-время захватили. Тоже и компанию водятъ! Нечего сказать, хорошая компания! И я, какъ старинный, я не могу сказать этого? Больно видѣть, Александръ Ивановичъ, я въ тюрьмѣ двадцать два мѣсяца высидѣлъ, глаза лишился...

Правда, другие находились въ лучшихъ усло-віяхъ. Слесаря, сапожники, они скорѣе могли найти себѣ заработокъ. Но то, что выпадало на ихъ долю, было настолько мяко—притронуться пропадала охота. Все это какая нибудь починки, подѣстать развѣ мальчишкѣ, но никакъ уже не мастеру. И часто сидѣли, сложа руки. А сидѣть, сложа руки, невозможно. Ну, и бывалъ грѣхъ. Козель принимать это въ сердцу, раздражала его еще и та непочтительность, съ которой относились къ нему.

— А интеллигенты!—перекосился Козель.—Би-

рюковъ знать никого не хочетъ, его и дома никогда не застанешь, все въ лѣсу, а вонъ Дальская... да нешто можно такъ: я, какъ рабочій человѣкъ, и потому, значитъ,—толпа. Да какая же я толпа, сами посудите?—и Козель пѣтушкомъ прошелся съ одного конца комнаты на другой и обратно,— а разъ я—толпа, значитъ, все: и дуракъ, и негодяй, и скотина... Женѣ тоже за кофточку второй мѣсяцъ не платить.

Кудринъ бросилъ газету, уставился на Козеля.

Ему хочется сказать, что все это неправда, что это просто нехорошая сплетня, и онъ стучитъ спичкой о коробочку, говорить глухо:

— А не скоро еще намъ отсюда...

— Минъ, какъ агитатору,—жеманится Козель,— сами знаете...

Закипѣлъ самоваръ.

Козель разсказываетъ газетныя новости, которые только что прочиталъ Кудринъ, и додонитъ безъ конца.

Невыносимо скучно.

Понемногу подходятъ другіе.

4.

Кудринъ собирался чѣмъ-нибудь занять этотъ вечеръ, выдѣлить его изъ другихъ вечеровъ, такихъ однообразныхъ, съ пересудами и переругиваніями.

Онъ прочтетъ имъ, онъ напомнитъ о ихъ прошлой жизни, вызоветъ ихъ лучшія воспоминанія, ввѣдетъ въ тотъ міръ, гдѣ они раньше жили, и разбудитъ ту душу, которая ихъ двигала.

Разиѣ они не были правы? Развѣ ихъ бунтъ не сама правда? Они хотѣли жить лучше. Кто же не хочетъ жить лучше? Они вѣрили, добыются своего, побѣдятъ старый міръ. А на его мѣсто воз-двигнутъ новый. И будетъ на землѣ—рай.

А можетъ быть, въ этой борьбѣ за лучшую жизнь таится глухой бунтъ противъ того страшнаго закона, которымъ разъ навсегда положено человѣку здѣсь лишь мечтать, но никогда не увидѣть этого рая.

Почему я долженъ только мечтать?

А если я его и не хочу совсѣмъ, или хочу вотъ, чтобы сейчасъ, а послѣ тамъ, когда-то..., да плѣвать мнѣ на все.

А они такъ глубоко вѣрили! Не отъ одного же отчаянія обрекали себя на голодъ и тюрьму и смерть. Они не боялись ея, отдавались ей: пусть ихъ тѣлами она задушитъ этотъ міръ и сама задохнется, а изъ ихъ крови встанетъ новый—новый и бессмертный.

Кудринъ читалъ.

Книга мало подходила къ его мыслямъ. Но ему казалось, именно этими чужими словами онъ и передастъ всю свою душу.

Почему я долженъ пресмыкаться, а въ награду за мое рабство только мечтать?—только мечтать?

Кто положилъ законъ? Зачѣмъ положенъ законъ? И развѣ нѣть силы снести съ земли эту твердыню и разсѣять ее навсегда?

И если все это такъ, гдѣ же свобода? гдѣ искать ея?

Нѣть, нѣть,—человѣческой жертвой, человѣческой мукой земля возьметъ свою свободу.

Кудринъ слышалъ свой голосъ, но этотъ голосъ былъ не его, а чей-то повелительный и грозный,—ея голосъ.

И онъ не можетъ не повиноваться ей.

Онъ поползетъ за ней на колѣняхъ и будетъ собирать прахъ отъ ея ногъ и будетъ просить ее, не смѣя сказать, просить этими глазами, и пусть она ударить его по молящимъ глазамъ, пусть она еще и еще ударить его, только бы итти за ней—только бы итти за ней.

— Да, да, человѣческой жертвой, человѣческой

мукой вы возьмете рай и не въ мечтъ только, а
зѣсь!

Былъ у насъ одинъ сапожникъ Флотовъ,—
насколько могъ тихо сказать сапожникъ Иванъ
Козлъ, — колбасу любилъ до страсти. Такъ онъ, ты-
мъ понѣръ, тоже говорить разъ, будто рай дѣл-
ствительно будеть и самый настоящий, въ родѣ
какой-то огромной повсемѣстной колбасной: и ъшь,
и юхай, сколько вѣзть.

— Въ колбасныхъ ловко пахнетъ! — обрывисто
замѣтилъ Козель и, отвернувшись отъ Ивана, за-
крыль свой единственный глазъ.

Кудринъ продолжалъ.

Онъ уже ничего не понималъ, сами собой вы-
говаривались строчки, сами собой выкрикивались
фразы.

— А еще былъ у насъ такой Лаврунъ,—шенталь
Иванъ,—хоть что хочешь, сдѣлать можетъ. Вотъ
мы и поспорили разъ, а онъ и говорить: хотите,
говорить, и сейчасъ нагищемъ въ муравейникъ
сиду и, не пикнувъ, выспижу четверть часа. Аинъ,
говоримъ, не сядешь! Аинъ, говорить, сиду! Лѣсь,
какъ тутъ, неподалеку. Вотъ и отправились. Нашли
кочку. Спустилъ онъ съ себя штаны, да не говоря
худого слова и плюхнулся. Такъ они его, понѣръ
мѣнь, какъ есть всего выѣли, самъ я осматривалъ
послѣ. А ему хоть бы что, одѣлся да и домой.
Только послѣ все почесывался.

— Конечно,—отозвался шорникъ Лупинъ,—му-
раней не бумажка...

— Ха-ха! — кто-то не удержался и громко за-
хихоталъ.

Кудринъ читалъ.

Ни видѣть ничего вокругъ себя, не замѣчалъ,
что говорилось въ комнатѣ, — онъ видѣлъ ее, она
одна стояла передъ нимъ такая, какъ онъ ее встрѣ-
тилъ...

Комната, между тѣмъ, набивалась публикой.

Это съ хозяйствской полонины завсегдатай гости.

Дверь не была заперта: какой-то одинъ зашелъ
попробовать, а за нимъ другой, а за ними
и третій. Сначала скромно и тихо. Но потомъ отъ
тѣсноты ли, либо оттого, что некоторые были не
въ себѣ и хоть кричать не кричали, чтенія вовсе
не было слышно.

Комната дымилась: но ножкамъ и потолку лѣзъ
табачный дымъ и медленно спускался на поль
грудой окурковъ.

Свободнаго мѣстечка не было.

Чын-то руки, будто отѣленныи отъ туловища,
висѣли въ увязающемъ воздухѣ, слизались другъ
съ другомъ и разлипались, и какая-то нога, ле-
безя, все ходила кругомъ, да подковыривала.

И вотъ чей-то палецъ кривымъ толстымъ ног-
темъ принялъ водить по книгѣ.

— Скажите, пожалуйста, какъ васъ зовутъ?

Но Кудринъ все еще бормоталъ что-то, отпо-
няя назойливый палецъ, какъ муху.

— Скажите, пожалуйста, какъ васъ зовутъ? — въ
что-то шершавое погладило его руку.

Книга упала подъ столъ.

— Я васъ гдѣ-то встречалъ, — тинула тотъ же
спотыкающійся голосъ.

— Вы г-нъ Кудринъ, позовите съ вами позна-
комиться, и — Пундикъ!

Кудринъ оторопѣлъ.

— Я ничего не понимаю,—сказалъ онъ Пундику.

— А я все понимаю, я — паспортнѣцъ, и все это
ерунда.

— Вотъ, вотъ видите,—загородилъ Пундика Ко-
зель,—вотъ она...

— Отливаясь, долбили крики и разговоры.

— Вы, какъ хозяинъ, — тинула спотыкающійся
голосъ, — эту ночь веселѣй...

— Это чортъ знаетъ! — слесарь Гавриловъ, обоз-
ленный, поднялъ кулакъ.

— Ура! — заорала комната, — ура!

— Дура-дурал! — пересѣкались крики.

Должно быть, пробило полночь. Хлопало, пузило, чокалось.

Несколько рукъ потянули Кудрина.

Полонъ столь быль въ бутылкахъ. Наташили гости.

— Обязательно — какъ хозяинъ — съ новымъ годомъ.

— Александръ Ивановичъ, а Александръ Ивановичъ, — подчивалъ сапожникъ Кириллъ, — а это мое пріобрѣтеніе, Фекла принесла, самъ коптиль, самъ солилъ.

— Яичка-съ, яичка-съ, — латошилъ какои-то скользкій.

Кудринъ не сопротивлялся.

— А колбаски, Александръ Ивановичъ, а Александръ Ивановичъ, самъ коптиль, самъ солилъ.

Въ глазахъ зеленѣло, подкашивались ноги. Отшибало память.

— Можетъ, намъ продолжать чтеніе? — спросилъ растерянно Кудринъ.

— Чортъ съ ними, лучше уйти, — сказалъ Гавриловъ.

— Въ сарай, — захочоталъ Лупинъ.

— Во пиру была, во беспѣдушкѣ... — завизжалъ вдругъ пьяный старушечій голосъ.

Разступились.

Посередь комнаты не ходила, а сигала хозяйка-старуха, размахивала сулеей во все стороны.

И шла прямо на Кудрина, зацѣпила его незанятой костлявой рукой. Проливая водку, ползла цѣловаться.

Кудринъ не сопротивлялся и, какъ ни противно, поцѣловалъ пьяную старуху. Но старухъ мало было, она хотѣла еще, еще разъ, — и липкій, беззубый ея ротъ тыкался въ его губы, старался прикусить и подержаться, а лягушачій ошпаренный языкъ норовилъ послать всунуться...

Хохотъ перебивалъ всѣ крики.

— Аа да бабушка!

— Да она любую за поясъ заткнетъ, ха-ха-ха.

— Ху-ху-ху.

— Саня, Саня, — кубадилась старуха, — ухъ, хвостомъ пройдусь, сверлить, тѣло прыгаетъ, ухъ да-а, во пиру была...

— Александръ Ивановичъ, а Александръ Ивановичъ, — жужжалъ на ухо сапожникъ, — самъ коптиль, самъ солилъ... варененькой... копченькой...

— Я васъ обидѣлъ, раз-дра-жилъ! — хваталъ за руку телеграфистъ, — я, можно сказать... и пришли безъ позволенія... чтеніе послушать... какъ, какія-нибудь свинки-нахалы и тому подобное.

— Ну что-жъ, что старуха, — я знаю одну.

— Дохлая кобыла.

— Нѣтъ, не дохлая.

— 300 рѣхи...

— Ну и чортъ съ тобой!

— Я стыда не знаю, — кричать осипшій голосъ, — кой стати Богу молиться, я — старуха! — и, пожимая плечемъ, хозяйка снова зацѣпила Кудрина и молодецки, будто въ двадцать лѣтъ, чижикомъ закружилась съ нимъ.

Онъ выдѣлываетъ невѣроятные прыжки, подпрыгиваетъ мячикомъ и одного хочетъ: удержаться и не упасть.

А можетъ быть, оль просто мячикъ, а все остальное — недоразумѣніе? Очки залопѣли, ничего не разбираетъ. Только одинъ ротъ ошпаренный, сжимающійся, какъ резинка.

— Али скачеть, али пляшеть, али прыгаетъ, — причитаетъ старуха, приговариваетъ, — ухъ сей-часъ, ухъ пойду, пойдемъ Саня въ баню — въ баню.

И не вынесла нога: со всего размаху грохнулась старуха, а за ней и Кудринъ. И сулея кокнулась: брызнувъ, полилась водка по полу.

— Я васъ обидѣлъ, можно сказать, безобразный трупъ ужасный, я раз-дра-жилъ?

Несколько человѣкъ бросились на хозяйку. От-

куда-то появилась веревка. Стали веревкой скручивать.

— Сволочь, цѣлую бутылку, эка сволочь!

— Ох-ох — подлец — перепелястый чортъ — хо-хо, стонала старуха.

Кудринъ брыкнулъ кого-то каблукомъ и поднялся. Очковъ на немъ не было.

Накинувъ платье,
Съ гитарой подъ подою...

И одинъ какой-то голосъ взялъ въ разрѣзъ всѣмъ голосамъ; и стало мутно и душно.

Затиририкала гармоня.

Старуха, со связанными ногами, ползла на цѣпкихъ рукахъ и плакала.

Удалились въ плясъ.

Ноги и руки булыжались, егозя полъ самыи потолкомъ.

Съ Козла стащили куртку и штаны. И въ однѣхъ валенкахъ, скрестивъ руки, сѣменилъ онъ отъ печки до полки, залихватски заводя ногу за ногу, какъ заправскій танцоръ.

Было такъ, будто плясала одна валенка съ черной бородой, обѣ одномъ глазѣ.

Глазъ подмигивать.

А передъ Козломъ не пыла, а скакала Оекла, подбирая высоко юбку, и такъ скалила зубы, будто кусать сейчасъ кинется. Шерстяные вязаныя паглинки на толстыхъ ногахъ заполняли комнату; и непреодолимо тянуло поймать ногу и ущипнуть..

Въ кучкѣ, у полки съ книгами, размѣстившись поудобнѣе, тишкомъ кусали кому-то пупокъ. Кто-то сопѣль и захлебывался.

Кудрина тащили къ столу выпить.

— Вы можно сказать, какъ хозяинъ...

— Я все понимаю, — я паспортистъ...

— Самъ коптилъ, самъ солилъ...

Онъ вѣдь привыкъ съ проститутками плясать. Пылкія ласки отъ нихъ получать.

Онъ вѣдь не сдѣлаетъ пылкія ласки...

— Хочешь, я тебѣ всю рожу раскрою.

— Ну-ка, э-э!

Среди каши, топотни и визга какой-то длинный съ рыжей бородой навалился грудью на гармоню, и гармоня хрюснула.

А слесарь Гавриловъ, развернувшись, сталь бить рыжаго по головѣ и по лицу. И слышалъ Кудринъ, какъ тоненько заревѣлъ рыжій, словно ребенокъ, тоненькимъ голоскомъ жалобно.

Тоненький голосокъ проникъ всю комнату.

Паспортистъ Пундикъ, проливая рюмку, жаловался, что онъ все понимаетъ и нѣтъ для него ничего непонятнаго.

— И все ерунда, ерунда, ерунда.

Какая-то девица, съ растегнутымъ лифомъ, ударяя кулакомъ по столу, растроганно объясняла полицейскому писарю, что жить ей тутъ невозможно и что она уѣдетъ въ Австралию.

— И пущусь я въ путь, прямо въ Австралию — въ Австралию.

Кирилль и Оекла, морща носы, упрекали другъ друга.

И еще какія-то тѣла на кровати, ни на что не похожія, не то смѣялись, не то рыдали.

Кудрину вдругъ захотѣлось взять перечницу и поперчить каждого. Но перечницы, какъ ни шарилъ, не могъ найти.

— Я васъ обидѣлъ, я раз-дражилъ? — тянуль телеграфистъ.

— Сволочь, цѣлую бутылку, эка сволочь!

Пусть онъ пошетъ водой умиленья,

Пусть онъ пошетъ румяное лицо...

5.

Знать, надѣла гостямъ комнату. Гонить хмель на улицу. На улицѣ метель мететь, осижаетъ окна, птицей заглядываетъ въ трубы, обваливаетъ кирпичи.

Въ комнатѣ темъ.

Но пропадает всякая мысль успокоиться.

За стѣной пищѣт гармоня одноголосая, тѣжелый каблукъ дробно выбиваетъ по полу. Дверь отворяется: кто-то, шаражаясь, бродить по комнатѣ, сбиваешь со стола бутылки, натыкается на стулья и тычетъ въ Кудрина пальцами.

Все горитъ: и подушка, и кровать, и воздухъ.

Хоть бы каплю холодной воды, одинъ глотокъ...

— Попить!—просится, какъ малое дите, и вдругъ холодъ сковываетъ все его тѣло, и душа уходитъ въ пятки...

У него пять ногъ, онъ ихъ ясно почувствовалъ..., И онѣмѣвшей рукой пересчитываетъ; не можетъ понять, откуда ихъ столько? и онѣмѣвшей рукой пересчитываетъ.

— Что-что-что?—точить нехорошій голосъ, точить, стучить маленьkimъ красенъкимъ язычкомъ прямо подъ сердцемъ.

— Попить!—просится, какъ малое дите.

— Свинья!—отрыгнулось подъ кроватью чье-то мертвое тѣло и, широко зѣвнувъ, захрапѣло, поскрипывая зубами.

А онъ ужъ не можетъ ни слова выговорить, онъ забылъ слова, онъ никогда ихъ не зналъ....

— Агу! Агу!

И лежитъ пластомъ и водить руками, ощущается, пересчитываетъ свои цѣлыхъ пять ногъ.

— Агу! агу!

А позвать некого.

За стѣной пищѣт гармоня одноголосая.

Звонять въ церкви къ обѣднѣ; далеко въ поле относить колоколъ. Но хлѣвамъ скотъ договариваетъ свой ночной разговоръ по человѣческому.

Пробуждается бѣлый свѣтъ метельный, какъ метельной прошла ночь, встаетъ новогодній день и торопится, чтобы прибавиться на куричій шагъ.

Востроухая Лайка, проспавшиись, лаетъ на вѣтеръ.

Александр Ремизовъ.

ОДИНОКІЙ.

Ты затихаешь, мой Римъ... Дневные смолка-
ють шумы.

Вечерняя сходитъ прохлада.

Иду я неспѣшно заросшей тропинкой стара-
го сада.

Темнѣеть...

Вдали огневѣеть

Прощальной лаской заката мраморный пор-
тикъ дворца и семнадцать ведущихъ
къ нему ступеней.

Идутъ со мною вечернія думы,

Нечалю повитыя думы,

Вдоль тихихъ аллей.

Вотъ, полускрытыя темными пиніями,
Строгими линіями

Бѣлѣть алтарь, перевитый плюшомъ.

На немъ

Не сжигаютъ давно аромата...

„Богу, чье имя невѣдомо“ — вырѣзаль я на
гранитномъ подножкѣ когда-то.

А нынѣ

Жгучимъ вѣтромъ пустыни

Выжгло въ душѣ моей тихую радость милыхъ
чудесъ.

Закрылась навѣки въ страну осіянную дверь.

Теперь

Я не мечтаю о чудѣ.

И Богъ для меня—лишь Тѣнь, что придума-
ли люди,

Чтобъ ей населить пустынность небесъ.

А вотъ

Нахмуренный гротъ.

Съ застывшими, какъ черный хрусталь, во-
доемомъ.

За колоннами входа паутиной густѣеть мгла.
О сколько разъ, на этой скамьѣ, движеньемъ
знакомымъ,